

Е Наньфэн отпустил руку и голову малыша, освободившуюся руку использовал, чтобы отодвинуть ребенка. Едва он оттянул одну часть, как малыш тут же прилип к нему другой, и оба застыли в этой странной позе.

Е Наньфэн почувствовал, что этому малышу явно не хватает хорошей взбучки, и потому произнес строгим голосом:

— Слезай.

Тело Е Наньмяня на мгновение напряглось, он понял, что старший брат, возможно, действительно рассердился, и неохотно сполз, послушно произнеся:

— Старший брат.

Затем, моргая большими круглыми глазами, полными влаги, он смотрел на Наньфэна. Тот, не в силах устоять, смягчил голос:

— Садись.

Е Наньмянь радостно кивнул:

— Хорошо.

И уселся на маленький деревянный стульчик рядом.

Малыш, который не шалил, не лазил по стенам и не нарушал покой, выглядел довольно мило. Его пухлые щеки так и просились, чтобы их потискали.

Е Наньфэн не удержался и ущипнул брата за щеку, после чего продолжил читать.

Однако спокойствие длилось недолго. Малыш снова подобрался к нему. Е Наньфэн, увлеченный чтением, был прерван маленькой пухлой ручкой, и ему захотелось шлепнуть малыша по лицу с его улыбкой.

— Старший брат.

Почувствовав, что старший брат вот-вот взорвется, Е Наньмянь сладко позвал его. Он уже заметил, что, как бы Наньфэн ни злился, после этого злость быстро улетучивалась.

Е Наньфэн еще не знал, что его младший брат нашел способ его успокоить, но после этого обращения он действительно не смог рассердиться. Стиснув зубы, он спросил:

— Что случилось?

— Старший брат, когда я шел сюда, отец велел передать, чтобы я позвал тебя в кабинет.

— Понял.

Наньфэн посмотрел на малыша и с силой ущипнул его за щеку, оставив красный след.

Малыш жалобно прошептал:

— Старший брат...

Длинные ресницы Е Наньмяня трепетали, а большие чистые глаза смотрели на Наньфэна, и тот окончательно смягчился, почувствовав даже какую-то странную вину.

— Пойдем, — наконец сказал он мягко и взял малыша за руку.

Е Наньмянь радостно запрыгал, и братья отправились в кабинет. Наньфэн лишь сказал Уго, что идет к отцу, и попросил его разобраться с людьми, которых привел Е Наньмянь, после чего ушел, держа за руку прыгающего малыша.

Войдя в кабинет, они увидели, что Линъань-ван уже там. Наньфэн украдкой осмотрел своего отца, думая, что супруги задержатся дольше, но, видимо, они уже пришли. Он только надеялся, что они успели позавтракать.

В поместье Линъань-вана, где было мало людей, правила были не такими строгими, как в старых аристократических семьях. Не нужно было каждый день навещать старших или обедать с главной женой. Каждый мог есть в своем дворике, тем более что Ян Фэнлань не любила его, старшего сына от наложницы, и предпочитала не видеть его перед собой.

Поэтому жизнь Наньфэна в поместье была относительно спокойной.

Самым процветающим и роскошным местом в Сюаньци была столица. На главной улице не было ни души, только тишина. Мостовая из серого камня была чиста, без единого листа, что создавало ощущение пустынности и даже легкой заброшенности.

Главная улица использовалась для быстрой доставки донесений гонцами, и простым людям туда вход был запрещен. За чистотой улицы следили специальные люди, и она вела прямо к императорскому дворцу.

За главной улицей людей становилось больше. Чайные, винные лавки, кондитерские, ювелирные магазины — всего не перечить.

На улицах были и спешащие прохожие, и неспешно прогуливающиеся люди, богатые молодые люди в золоте и шелках и девушки из знатных семей, а также бедняки в заплатанной одежде, красивые и изможденные. В этом императорском городе сосуществовали две крайности, противоречивые, но гармоничные.

Места, где было много людей и шума, особенно нравились детям.

В этот момент Е Наньфэн шел по толпе, держа в левой руке связку леденцов на палочке и погремушку, а в правой — сахарного льва и сахарную фигурку, изображающую Е Наньмяня.

Впереди него прыгал малыш, ныряя в толпу, словно дикий жеребенок, сорвавшийся с привязи. Наньфэн не мог его удержать и лишь следовал за ним, держа в правой руке сахарную фигурку, изображающую его самого, а в левой — маску с устрашающим выражением.

Наньфэн смотрел, как малыш облизывает сахарную фигурку, изображающую его самого, и почувствовал, как по коже побежали мурашки. Ему стало не по себе.

Он уже жалел, что не купил малышу сладости раньше, когда тот смотрел на сахарные фигурки. Можно было пройти мимо лотка или просто встать в очередь. В любом случае, если бы он сделал что-то из этого, сахарная фигурка с его изображением не оказалась бы сейчас в руках малыша, и он бы не чувствовал себя так неловко.

— А-Мянь, ешь быстрее, не облизывай, это неприлично, — сказал Наньфэн, не в силах больше смотреть.

Е Наньмянь был немного смущен, ведь он не считал, что делает что-то неподобающее, но, будучи послушным ребенком, быстрее съел сахарную фигурку, изображающую старшего брата.

Честно говоря, он очень не хотел ее есть. Он хотел попросить мастера сделать фигурку и спрятать ее, чтобы тайно унести домой, но старший брат заметил, и пришлось съесть.

Наньфэн заметил, что малыш ест быстрее и больше не облизывает фигурку, но странное чувство не исчезло. В конце концов, он решил придерживаться стратегии «с глаз долой — из сердца вон» и не смотреть на малыша, надеясь, что тот не потеряется.

Съев сахарную фигурку, Е Наньмянь, когда никто не видел, с сожалением потрогал передние зубы. Каждый раз после сладкого они болели сильнее, но он говорил себе: «Я мужчина, такая боль — ерунда».

Наньфэн огляделся по сторонам, и в одно мгновение понял, что малыш действительно потерялся.

Он мысленно ругал себя и жаловался на ненадежного отца, который позвал их в кабинет, сказав, что хочет взять их на прогулку во время перерыва в учебе, но, встретив друга, бросил их. Теперь он еще и потерял младшего брата.

На самом деле Е Чуйгань не бросил своих сыновей. Они вышли прямо из кабинета, и никто их не сопровождал, поэтому он не мог позволить им гулять одним.

Но с характером Е Наньмяня заставить его сидеть смирно среди взрослых было все равно что заставить обезьяну не лазить по деревьям.

В конце концов, Е Наньмянь уговорил Наньфэна пойти с ним. Наньфэн подумал, что он уже давно здесь, но кроме поместья и Дворцовой школы, нигде не был. После уговоров братья смогли убедить Е Чуйганя отпустить их погулять.

Е Чуйгань несколько раз напомнил им, что они могут гулять только рядом с таверной, где он был, и отправил с ними охранника.

Однако он плохо знал характер своего сына. С таким прыгучим малышом, как Е Наньмянь, одного охранника было явно недостаточно.

С тех пор как он начал следовать за двумя молодыми господами, охранник выглядел совершенно измученным. Едва они вышли из таверны, как он был обвешан всякими странными вещами, держа в руках бесчисленные предметы. Какой позор для настоящего мужчины, первоклассного охранника поместья Линъань-вана!

В конце концов, Е Наньмянь сжалился и позволил охраннику отнести вещи обратно в карету и вернуться.

Охранник взглянул на серьезное выражение лица молодого господина, затем на спокойного и рассудительного младшего брата, и, чувствуя, что все вокруг смотрят на него с насмешкой, решил побыстрее вернуться. С характером младшего брата, он вряд ли потеряется.

<http://bllate.org/book/15521/1379578>